

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАНИНАЯ

Церковь Последнего Завета

Июль №27 (623) 2008 г.

Сегодня в выпуске:

стр. 8

Беседы о воспитании

«Юные художники Эпохи

Возрождения» 8

Новая педагогика. Какая она?

Живая! 12

стр. 12

Школа Жизни

Глава 7 (46 год Э. Р.)

тром седьмого июня Учитель был уже в Москве, а вечером этого дня в Петербурге, где вместе с Колей Онищенко подготавливал картины, закрепляя их на новой основе, к выставке в Кишинёве.

2. Девятого июня по инициативе доктора философских наук, профессора Петербургского университета Зобова Романа Алексеевича состоялась встреча Учителя с небольшой группой учёных университета, среди которых были социологи, философы и религиоведы.

3. Событие это состоялось на Разъезжей улице в офисе одной из политических партий по причине того, что в стенах учебных заведений было запрещено проводить встречи с представителями религиозных движений.

4. Отвечая на вопросы в этой долгой беседе, Учитель пояснил смысл рождения человека, необходимость в настоящее время кардинального изменения отношения человека к происходящей реальности, необходимость создания теми, кто способен услышать Зов, новой общности с основами новых взаимоотношений между людьми, необходимость единого понимания Учения меж теми, кто принял его...

5. Также Учитель сказал о том, что носителем Учения является не группа людей – Учение несёт Тот, Кто знает.

6. «Учитель движим Отцом, у Него нет своего пути» – одна из фраз Учителя в завершении встречи.

7. Около полудня следующего дня Виссарион был уже в Кишинёве. В аэропорту Учителя, прибывшего рейсом из Москвы, встречали цветами, черешней, хлебом-солью, который преподнесла председатель Русской общины Молдовы Людмила Алексеевна.

8. После съеденного вместе с учениками большого количества черешни, объёмом с ведро, Учитель согласился оказаться в заранее заказанной сауне. Всё следующий день был также посвящён потреблению черешни. Так проходила подготовка к открытию выставки.

9. В полдень двенадцатого июня, в День России в Молдове, в светлом просторном выставочном зале-фойе театра кукол Кишинёва, где и размещалась экспозиция картин «Духовный путь и искусство», состоялось открытие выставки.

10. На открытии – много людей, несколько телевизионных каналов Кишинёва, съёмочная группа из Тирасполя, пишущие журналисты разных изданий.

11. Ведущая открытия Людмила Алексеевна представляла выступающих: директора театра, известного художника и скульптора, молдавскую певицу, живущую в Петербурге, слаженный хор, исполнивший несколько псалмов, начинающую певицу, проникновенно исполнившую «Аве Марию», художников сибирского духовно-экологического поселения...

12. По окончании открытия выставки Учителю подарили большую корзину, наполненную черешней с лепестками роз цвета черешни.

13. После открытия Учитель дал два интервью, одно из них – телевидению Тирасполя. Фрагменты этого интервью.

14. «Ваше пребывание здесь связано только с выставкой или есть ещё какие-то планы?» – был один из вопросов женщины-журналиста.

15. «Прежде всего с выставкой. Мне хотелось бы, чтобы люди прежде познакомились с творениями рук, а не со словами на эту тему.

16. Слов можно говорить много прекрасных, но очень важно для человека прикоснуться к делам рук. Это играет очень важную роль в выборе дальнейшем, в осмыслении дальнейшей жизни», – было сказано в ответе Учителем.

17. «Что лично вы вкладывали в произведения, когда их создавали?»

18. «Когда хочется петь песню, мало задумываешься о том, что надо вложить в песню. Желание петь возникает естественно, когда человек умеет любить жизнь, радоваться жизнью.

19. Каждую минуту окружающий мир сам диктует тему, какую хочется в этот момент спеть. Поэт и дол-

жен так петь, выражая в искусстве – в живописи, в камне, в стихах – то, что его привлекло.

20. Может быть, на первый взгляд это что-то незначительное, но всё равно этим надо уметь любоваться. Надо уметь любоваться каждой частичкой окружающей жизни и пробовать поделиться этой радостью.

21. Но это не должно быть целью – поделиться, принести кому-то что-то. Для поэта важно петь. А дальше путь прокладывается через желание людей: они сами начинают приглашать, если им нравятся произведения.

22. Но будет неправильно, если люди не приглашают, торопиться навязывать им искусство...»

23. Интересную оценку выставки сибирских художников и особенно живописи Виссариона дал присутствовавший на открытии художник-скульптор Юрий Канахин, заслуженный деятель искусств Молдовы, доктор философии, академик международной кадровой академии ЮНЕСКО.

24. «Эта выставка, я считаю, достойный подарок всем гражданам Молдовы. В эстетическом плане, в плане тематики, в плане профессиональной этики меня поразила глубина пространственности, глубина самой эстетики живописной.

25. Видел я очень многое, будучи в музеях Европы и мира. Казалось, искушённого зрителя вряд ли что-то может удивить, – ан нет.

26. В простоте Виссарион увидел нечто такое, что просто поражает. Как можно из простой фигуры создать такой образ?! Имею в виду идущую по воде. Нет ничего, что склоняло бы зрителя к какой-то сексуальности, нет даже намёка на пошлость. Во всём сквозит эстетика! Это поражает!..

27. В натюрмортах Виссарион открывает другую нишу. Он стремится создать образ детализированного портрета, не теряя целого...»

28. Во дни выставки Учитель почти не принимал участия в каких-либо встречах. Ученики проводили встречи, собрания, концерты.

29. Четырнадцатого июня Учитель согласился поехать посмотреть скальные монастыри Молдовы. Дорога сопровождалась красивыми пейзажами, просторами живописной страны.

30. В первом монастыре Учитель дошёл до намоленной кельи первого монаха, пришедшего в эти места и прожившего в уединении пятьдесят лет. Позже пришли другие и расположились по соседству, таким образом появился монастырь. Виссарион задержался в этой строгой келье с одним окном, приложив ладони к старым скальным стенам...

31. Теперь в этих местах православный монастырь с поздними просторными строениями, святым источ-

ником и большим туалетом, пронизывающим округу сильным запахом.

32. Учитель попросил спутников своих не задерживаться для дальнейшего осмотра этих мест. А по дороге в другой скальный монастырь, который тоже был намечен с утра для посещения, по просьбе Учителя повернули обратно в Кишинёв.

33. На пятнадцатый день июня в зале театра кукол была намечена встреча художника Виссариона с художниками и творческими людьми столицы Молдовы. А на вечер этого дня намечалась встреча Учителя со всеми желающими задать Ему вопросы.

34. Виссарион приехал в театр к назначенному времени для встречи с людьми творческих профессий. Зал был почти заполнен. На сцене стоял стул, который был предназначен для Учителя.

35. Но Учитель не пошёл на сцену, что в подобных ситуациях случилось, на памяти Вадима, впервые, а встал спиной к сцене, слегка облокотившись на неё, расположившись таким образом ближе людям.

36. Началась встреча, на которой, как впоследствии оказалось, присутствовали и прихожане одного из православных храмов Кишинёва.

37. Учитель отвечал и на вопросы из записок, и на вопросы, звучавшие из зала. Мгновения этой встречи.

38. «Художнику, мастеру надо найти свои духовные ценности, важные, истинные, на которые он должен опереться, благодаря которым он должен успокоиться, потому что нужна спокойность. Творить красивое надо спокойно, с любовью. Нельзя торопиться, нельзя быть в суеде.

39. В основном многие произведения, которые можно встречать на выставках, – это то, что можно сделать в течение нескольких дней (а может быть, даже и одного дня), или несколько произведений можно за один день сделать. Но это неправильный подход, потому что начинаешь нервничать, суеитесь, как-то всё начинает получаться быстро, резко.

40. В таком произведении трудно найти покой, трудно будет найти какое-то вдохновение, наполниться от него очень сложно, беспокойство появится.

41. Поэтому если мы говорим уже о нужности того, чтобы искусство обрело какое-то возрождение новое, очередное, то это прежде должно быть связано с духовным ростом человека. Уже недостаточно будет того технического умения, которым обладали древние мастера.

42. Потому что, какими бы прекрасными они ни были умельцами, талантливыми, им трудно было выразить красоту духа. Изображалось нечто, чем они пробовали любоваться, но там отражалось время.

43. Всегда у художника будет отражаться время, если он пытается это время правдиво передать. А время характеризуются какой-то вибрацией, какой-то напряжённостью, многими неприятностями.

44. И насколько чувствительнее человек, настолько глубже он начнёт чувствовать, что скрывается за изображённым. И если в этом обществе много сложностей, это всё передаётся произведением».

45. «А разве это плохо?»

46. «А для чего? Кому нужны эти сложности? Как они могут вдохновить?»

47. «Но это же правда жизни, наверное».

48. «Ну да. Но как она может вдохновить? Может быть, она опечалит, сделает ещё грустнее и так человека грустного? Правда жизни, если её покопать, такая бывает страшная. А зачем тогда её изображать?»

49. Сейчас мы можем увидеть хороший пример: «Новости», фильмы... они о красивом? Нет. Там то, что сейчас как будто бы требуется страстям человека, чтобы скрутить людей, сдавить, чтобы у них выброс адреналина килограммами шёл ежеминутно. И потом они, как наркоманы, без адреналина жить не могут. Это тоже своеобразная настройка физиологии человека.

50. Значит, дальше ему будет плохо, если этого адреналина не будет, он будет чувствовать: у него падает настроение, ему нужен впрыск. Для этого нужна опять какая-то сцена, но уже не обычная, которую он уже не раз видел, какая-то там страшилка, а она должна быть новая, с какими-то ещё большими эффектами, только тогда она его заденет.

51. Тогда он начнёт жить после этого, он почувствует, как взбодрилась кровь, ему надо подвигаться теперь... Но это ненормально, то есть это психика начинает отклоняться в большую сторону, к клиническим таким состояниям.

52. Поэтому когда мы говорим об искусстве, то хорошо бы, конечно, подразумевать то, после чего человеку станет просто приятно, хорошо, легко, ему захочется творить дальше. И если после того, как человек побывал где-то, на какой-то выставке, посмотрел какие-то произведения рук (лепнину какую-нибудь, рисунки или ещё что-то), а может быть, даже и песни послушал какие-то интересные, у него возникла потребность побегать быстрее в какую-нибудь мастерскую и что-то попробовать сделать руками – вот это нормально. То есть у человека пробуждается творческий потенциал.

53. А для этого в произведение надо действительно вкладывать позитивное видение мира, и тут очень важно тогда уже духовность свою менять. Только тогда человек начинает по-другому воспри-

нимать реальность, а значит, у него по-другому начинает твориться что-то.

54. Ведь произведение искусства – это своеобразный инструмент, который через годы, века способен стабильно действовать импульсами, которые туда заложены. Это как батарейка долговечная. Пока произведение существует, из него идёт импульс, заложенный туда человеком.

55. И вот тут уже, чтобы говорить о произведении хорошо, если хочется быть полезным своему обществу, очень важно, чтобы эти импульсы были положительными.

56. После каждой выставки вы можете сами проверять такой эффект: расслабиться, пройтись по выставке и попробовать сравнить ощущения – когда вошёл на выставку и после неё. Очень часто это бывают тяжёлые ощущения, усталость.

57. Но это неправильно, выставка такая не должна существовать. Может быть, там технически и интересно что-то решено, но это произведение нельзя выставлять. Оно негативно действует на психику зрителя. Это информация, это излучение, которое идёт постоянно от произведения.

58. И если говорить опять же об ответственности художника перед людьми, с которыми он соприкасается, это гигантская ответственность. Он обязан духовно формироваться, он просто не имеет права прикасаться к созданию произведения, когда у него подавленное настроение, когда у него суета какая-то, думы какие-то о чём-то ненормальном.

59. Так лучше не прикасаться, лучше успокоиться, походить, посмотреть на что-то хорошее... Потом – пожалуйста, можно начинать творить. Но вот эта духовная успокоенность крайне необходима, иначе не получится создавать что-то хорошее.

60. И тем более сейчас время, как вы видите, движется по нарастающей, оно заставляет бегать, всё больше бегать, иначе у всех возникает ощущение: если не успеешь, выжить будет трудно в этих условиях, надо успевать. И психика начинает перегружаться.

61. В городах все эти информационные изменения, которые в обществе происходят, создают постоянную потребность чему-то учиться, иначе не выживешь, иначе не заработаешь денег. А это психику приведёт к катастрофе. Уже психика начинает страдать от этого.

62. Поэтому, опять же к искусству возвращаясь, очень важно найти вот эту успокоенность, уверенность, суметь быть благодарным за всё, что даётся на Земле, за то, что каждый день даётся человеку. То есть надо научиться действительно по-настоящему верить Богу, уважать Его, уважать то, что Он даёт, и быть за всё это благодарным.

63. Только тогда приходит успокоенность, только тогда приходит удовлетворённость всем, что ты видишь. И ты пробуешь тогда уже любоваться, не беспокоясь, а как проживёшь завтра. Да неважно, как проживёшь завтра. Сегодня хочется любоваться – и любишься. Просто, никому ничего не навязывая в искусстве.

64. И тогда постепенно, если художник творит, появятся вокруг те, кому нужны эти творения, то есть люди начнут сами просить: «Дай посмотреть! Приезжай к нам, мы хотим очень посмотреть. Нам трудно приехать, лучше мы поможем тебе приехать». И естественно у художника складывается начнёт тропа, дорога, которая позволит ему реализовывать свои возможности.

65. И тогда не нужна будет ему отчётность, «галочка», что надо обязательно выставиться. Член Союза художников – надо бы выставиться! Хотя работы его мало кому интересны, но ему надо выставиться, он торопится выставиться, пробует собрать людей. Туда мало кто приходит, потом сам расстраивается: «Что-то мало людей, не ходят».

66. Начинает искать какие-то ненормальные причины, которые как будто бы оправдывают их неприход. Нередко они сводятся к тому, что люди не понимают его искусства: он такой замечательный, он так много вкладывает! Они просто не смыслят, значит, ничего в искусстве, если не приходят. Какие-то глупые, примитивные оправдания начинают возникать. А это просто произведения такого уровня, вот люди и не приходят.

67. Надо уметь критически подходить к своим произведениям, уметь анализировать, что ты делаешь, чтобы дальше меняться. Только тогда есть возможность учиться дальше, когда критически так подходишь, ведь прежде всего в себе ищешь причины. Если в людях искать, это ненормально.

68. Поэтому в искусстве сейчас нужно будет неизбежно очень многое пересматривать, вернуться ко многим традиционным умениям, которые были, но вложить туда уже именно духовные глубины.

69. Не пытаться придумать то, что уже, по сути, придумано, а уметь изобразить красиво реальное, когда ты разговариваешь со зрителем языком для него понятным, а не приходишь говорить речь какую-то на непонятно каком языке, придуманном оратором. А все слушаешь и пробуют догадаться, что же за образы он вкладывает, пробуют по мимике его додумать, по его состоянию пробуют представить, что он туда вкладывает... Но они не понимают, что он говорит.

70. Нельзя так разговаривать с ближними, если хочешь им что-то рассказать. Расскажи понятным языком, но расскажи то красивое, что через

этот простой, понятный язык им будет интересно, что их вдохновит, наполнит, принесёт им радость.

71. Многие интересные, по сути, в искусстве уже достигнуто, и остаётся лишь не торопиться искать свою значимость в искусстве, пытаясь найти что-то новое и как-то по-новому, как никто, выразиться. Это пустая трата времени, потому что люди имеют одну информационную среду воспитания, имеют одни и те же особенности физиологические, которые позволяют воспринимать окружающую реальность. И поэтому, как бы они ни старались что-то сделать, если посмотреть по сути, они все одинаково делают. Всё равно они друг на друга похожи, им не удастся выразиться как-то неповторимо.

72. Это ненормальная гонка за чем-то необычным. Это как попытка в одежде искать какую-то моду. Мода — она какая-то сиюминутная: сегодня одна выставка моды, завтра уже другая выставка, она постоянно меняется. Но сказать, что она красива, если постоянно другая, нельзя.

73. И в искусстве точно так же не должно быть моды. Есть нормальная техника выражения, понятная, доступная для восприятия любого человека, когда не будет он чувствовать себя ущербным, пытаясь нередко (что приходилось очень часто слышать), когда спрашивают у него, как он видит произведение, сказать: «Ну я не понимаю ничего в искусстве». Вот эти слова он пытается добавить, как бы оправдать, что, может быть, неудачная какая-то оценка у него дальше последует.

74. Но вот это предваряющее высказывание унижительно. Как может человек не понимать красивое? Красивое невозможно не понимать, потому что, рождаясь в красоте, рождаясь в гармонии, клетки тела, физиология, психика настроены уже самой природой воспринимать красивое и вдохновляться, трепетать.

75. Настройка уже существует, её нельзя вдалбливать дополнительно какими-то книгами, тем, что напишет кто-то, каким-то образом по-своему преломив эту красоту.

76. Она у каждого по-своему воспринимается, одинакового восприятия ни у кого не было и не будет. Там есть свои определённые оттенки, которые отделяют восприятие одного человека от восприятия другого. Поэтому что-то одно никак не дашь, никаким одним произведением нельзя удовлетворить всех. По настроению, по состоянию всё равно люди по-разному будут его воспринимать.

77. Конечно же, сейчас будет крайне необходимо, чтоб люди нашли некую духовную успокоенность. А для этого надо впрямую это связывать с духовным развитием.

78. Духовное развитие связано с тем, как человек реагирует на окружающую реальность и, самое главное, как он реагирует на своих ближних, как человек относится к другому человеку, как он его воспринимает, как он реагирует на его поведение. Когда человек к вам подходит, что-то делает и как вы должны в ответ отреагировать — вот здесь кроются самые главные духовные законы развития человека.

79. Без них рассматривать духовность — как человек может успокоиться, посмотреть на окружающую реальность, на облака... это очень мало. Прежде всего — как он воспринимает ближних. Потому что человек рождён для того, чтоб создавать своё общество и в этом едином целом видоизменять законы материи своей способностью психически правильно относиться к этой реальности, к законам материи.

80. То есть человек может менять структуру вибраций законов материи окружающего мира своей способностью любоваться. Чувство — это тоже вибрация. И так как человек умеет с любовью отнестись к окружающему миру, это позволяет миру меняться очень сильно, то есть характеристики его начинают меняться. Это уникальная особенность, ради которой был рождён человек, — чтобы таким образом видоизменить весь закон материи, всю Вселенную.

81. И поэтому он начал жить на Земле, как на первом этапе, который призван человеку помочь разобраться с самим собой и научиться пользоваться инструментом, который ему дан. Его тело — это инструмент, где его душа должна реализовать тот потенциал творений, который она призвана проявлять через законы материи.

82. И раз человек рождён, чтобы в обществе своём формировать нужную среду, двигаться по Вселенной, по звёздам, заполняя их (потому что это дом человеческий в будущем), то, значит, научиться прежде всего быть друг с другом очень важно.

83. Единое человечество, единая Семья возможна только в одном случае — когда произойдёт полное доверие человека к человеку и где постоянно человек будет думать о том, как он может быть полезным для ближних.

84. Ведь сейчас взгляд у человека наоборот идёт: он рассматривает всех своих знакомых, насколько они в данном случае для него полезны, что он с них может взять, выгодны ли они. Или постоянно ходят что-то просят... Неприятно, это раздражение вызывает, не хочется им давать: да что они всё время ходят? А вот когда вам дают — о-о, это приятно, конечно, познакомиться хорошо с таким человеком!

85. Так это эгоистический взгляд, который не позволяет людям доверять-

ся друг другу. Они начинают бояться друг друга. А раз бояться, их сознание раздроблено, то есть оно не составляет единого целого на Земле.

86. И получается, вы огромным количеством живёте на Земле, но вам нужно радио, чтоб узнать, что происходит, телефоны, чтоб узнать где как какие события происходят. Хотя всё это человек имеет право знать, независимо от таких технических устройств. Это информационное поле, которое должно соединиться в сознании людей, стать единым целым, единым полем сознания. Но это возможно, когда произойдёт полное доверие.

87. К полному доверию могут привести только духовные законы. Никакие материальные законы, никакие политические условия, экономические — это всё совсем к этому не имеет никакого отношения. Оно только больше путаницы создаёт, какую-то дополнительную «футбольную» игру, которой все увлекаются. Это игра, которая на самом деле никак развиваться не может человека, она только отвлекает от развития.

88. И поэтому духовные законы крайне важно рассмотреть, осмыслить и просто всей душой попробовать их исполнить. Вот тогда человек придёт к тому, что требуется, что ожидается от человека.

89. И искусство он начнёт проявлять так, как должно ему проявлять, как никто во Вселенной не проявляет. Потому что так любить мир, как любит человек (способен, по крайней мере, какие у него заложены качества), во Вселенной не умеет никто...»

90. «Скажи, обязательна ли передача деталей на холсте, если главный образ этого не требует? И если необязательна (это второй вопрос), то как добиться того, чтобы работа могла просматриваться вблизи?»

91. «Такой задачи не стоит, чтобы обязательно вблизи её просматривать. Ты сейчас сам сказал «если образ не требует». Если, на твой взгляд, этот образ не требует такой проработки деталей, попробуй не делать этого. Пробуй!

92. Это же творчество. Это путь, где ты пробуешь и, сам анализируя сделанное, совершенствуешься.

93. То есть ты можешь посмотреть, как это воспринимается на данный момент времени. Через время у тебя может поменяться взгляд, когда ты, прикасаясь к другим каким-то работам, можешь, благодаря своему созерцанию, осмыслению чего-то другого, сам же вырасти. Потом подойдёшь к своему произведению и скажешь: «Нет, вот тут не хватает какой-то детализировки», ты её прибавишь. Может, какой-то подход изменишь в произведении.

94. Но здесь нельзя дать какой-то единый принцип. Хорошо бы, чтобы желание было донести зрителю на по-

нятном языке (это прежде всего важно), чтобы люди не пытались догадаться, что же ты там изобразил.

95. А бывают такие курьёзы, когда зритель начинает смотреть: «О-о, я вижу вот это, я вижу вот это...» — и художник аж прямо лоснится от радости (ну надо же, какие он замыслы воплотил!), а у него у самого и в мыслях такого ничего не было, он даже додуматься до этого не мог, а оказывается, он умудрился такое воплотить.

96. Хотя это прямо не выражено, это просто зритель говорит. Прикасаюсь к каким-то ребусам, он додумывается, у него своё воображение. И оно может быть гораздо богаче, чем у того, кто предоставил какое-то произведение. И вот этот человек пытается выудить оттуда своё собственное воображение, но этого нет в произведении, это не закладывалось.

97. Но когда вы будете, развиваясь дальше, становиться всё тоньше в восприятии энергий, которые идут от произведения, вам не надо будет придумывать лишнее. Сама энергия, её вибрация подскочит уровень переживаний, который туда заложен. И вы сможете сразу, сравнивая, оценить, что придуманный образ не подходит к произведению, вибрация не та. Хотя вроде бы и подмывает подумать об этом образе, исходя из каких-то линий, каких-то красок, но видите несоответствие этому: вибрация от произведения идёт совсем другая.

98. Но пока это не воспринимается. Поэтому вы проще, подходя только зрительными своими рецепторами, пытаетесь додумать, что туда можно было вложить.

99. Так же можно бесконечно говорить о «Чёрном квадрате», что угодно можно туда добавить. Хотя у человека вообще, может быть, никакой мысли не было, а просто так сидел, подрёмывал... закатал: «О, ну ладно, пусть останется». А все: «О-о! Там такие революционные идеи!» Там всё, что угодно, можно додумывать. Но это просто своеобразное издевательство над человеком, нельзя так к произведению подходить.

100. Художник должен быть ответственным за то, что он делает, как он подходит ко всему этому, что бы ему хотелось сделать на самом деле.

101. Только лишь показать всем: «А я вот так вижу мир» — а зачем? Все по-своему видят мир, это же не значит, что все должны попробовать тут же создать выставки и показать: а вот они так вот умеют видеть мир! Ну и что? Так оно у всех разное — видение мира, но это не требует, чтобы каждый торопился так вот его показать.

102. Поэтому смотри... Сейчас абстрактно какие-то вывести законы (надо детализировать что-то, не надо ли эти детали подчеркнуть) — так нельзя бу-

дет сказать о чём-то. Делаешь — и смотришь, делаешь выводы, смотришь, как помогает это ближним, насколько наполняешь ты их радостью какой-то, которой пробуешь поделиться.

103. Ведь прежде всего в попытке создать произведение тебе не надо торопиться быть, знаешь, каким-то вождем. Вот тут тоже желательно бы не торопиться увлекаться этим. А то, бывает, если умеешь рисовать, значит, хочется рассказать людям какие-то идеи, повести их в одну сторону, в другую... зная им вручить какое-то в руки через произведение.

104. Не надо быть таким раздающим великие устремления. Ты просто делишься простым, красивым, что тебя сегодня волнует, радуется, наполняет. Ты — раз — запечатлел. Ты даже смог своими руками создать этот новый мир какой-то, который преломился через твои переживания.

105. И вот он у тебя есть, ты порадовался своей способностью созидать, у тебя получилось выразить то, что тебя порадовало. Ты не заботишься, будут смотреть люди — не будут, ты просто радуешься созиданию. Вот это будет наиболее благоприятным.

106. А когда думаешь, что вот это надо туда, вот это должно сделать это произведение, хочется им всех всколыхнуть, — это больше эгоизм торопится проявиться в значимости. Но это ошибочно, это будет очень опасно для развития психики.

107. Потом люди начнут не понимать — будет это удивлять, мучить: как они твою значимость не замечают такую, такое величие? И останется только запиться, удариться в наркотики, чтоб найти хоть какое-то успокоение. Так многие его и находят. Но это уже крайность ненужная, от неправильно-го изначального подхода возникает этот результат.

108. «Скажи, Виссарион, а на полотне запечатлеваются ли мыслиобразы художника, которые у него в сознании проносятся в момент творчества?»

109. «Конечно! Все мысли, которые у человека происходят в этот момент, размышления, переживания, они в разной степени отпечатываются на произведении. Больше того — он же руками творит: протягивает руку, из руки идут импульсы (они постоянно исходят из человека, пока он живёт). И от того, как он думает, уже даже через этот стержень с кисточкой начинает концентрироваться, передаваться информация».

110. «Можно ли эти образы (я их чувствую) рассматривать как живые?»

111. «Они живые, конечно! Всё живое. Закончив произведение, ты уйдёшь, а оно будет жить, оно будет там пульсировать».

112. «Они вокруг полотна формируются?»

113. «Оно постоянно будет пульсировать. Рамками это можно замерять (таким примитивным подходом), ещё чем-нибудь... но там эта вся информация остаётся. Жить ты уже прекратишь — она будет продолжать пульсировать».

114. Почему Я вначале и сказал: это очень ответственное явление, когда человек произведение создаёт и оно остаётся потом в веках. Потому что информация от него идёт.

115. Просмотреть если произведения древности... Одно дело — мы говорим: «У-у! Какой замечательный художник! О нём столько пишут, он такой великий!» — и восхваляем: «Как здорово!» А если прислушаться внутри, ощущение не то, какая-то тяжесть появляется.

116. Оно интересно сделано, на тот момент времени, в его эпоху это было достижением — так сделать, так больше никто не смог достигнуть. Но запечатлено переживание, боль какая-то переживания запечатлена, и она уже как раз начнёт действовать негативно на психику того, кто смотрит.

117. Поэтому одно дело — такое поверхностное внимание, которое определяет величие художника по какой-то исторической справке, а другое дело — это когда вы чувственно начинаете определять на самом деле ценность произведения. Нельзя прельщаться одним именем, надо ощущениями посмотреть на это произведение.

118. Иначе его надо оставить как историческую справку — «есть», но его нет смысла показывать людям. Ну, искусствовед придёт... может быть, где-то ему надо подтянуть свои знания — ну ладно, нормально. Но зрителям его по сути уже будет нельзя выставлять, оно создаёт тяжесть».

119. «Каково Ваше отношение к современному искусству, абстрактному и беспредметному, сублиматизму и другим «измам»?»

120. «Надеюсь, в какой-то мере Я уже дал ответ. Здесь прежде хотелось бы, чтобы каждый художник попробовал задуматься, почему ему хочется показать эти работы людям. Одно дело — закрылся в комнате и рисуешь как вздумается, что вздумается, каким угодно подходом. Но другое дело — возникает идея вывесить, показать людям. Для чего? То есть чего бы в данном случае хотелось на самом деле самому человеку?»

121. Вот тут бы желательно поразмышлять и посмотреть уже дальше более конкретно: а надо ли в таком-то или таком-то случае следовать желанию показать работы? или всё-таки не нужно этому следовать и оставлять работы дома?

122. А так оценить... Нет смысла. Я в какой-то мере уже ответил ещё и с такой стороны, что каждый человек по-своему видит мир. Это может быть неповторимо, его переживания не могут быть

точно одинаковы, как у другого какого-то человека, они все неодинаковы.

123. Значит, если каждому дать в руки краску и сказать: «Да ты можешь рисовать! Не говори себе, что ты не умеешь рисовать. Кто тебе сказал? Можешь рисовать. Пробуй! Если хочешь выразить переживания, попробуй. Смелее пробуй!» – и все сделают приблизительно одно и то же, если не изучается серьёзно грамота какого-то изображения, то есть какие-то глубины, какие-то особенности, законы.

124. И если говорить об академическом каком-то искусстве, это действительно такое искусство, которое заслуженно, получается, определяется званиями «профессор», «академик», потому что там знаний очень много надо понимать, пользоваться ими надо уметь грамотно.

125. Если просто переживания выплёскивать, это немножко другое. Это каждый человек может сделать, у него всегда как-то получится выразить переживание. Ну и ладно, замечательно. Хочется – пробовать, делай.

126. Но если хочется пойти куда-то выставить, тогда что ведёт, что хочется?.. И вот тут хорошо бы, чтобы люди сами попросили принести. Лучше бы руководствоваться этим. Да, есть люди, которые хотят, чтоб ты принёс, показал, они испытывают какую-то радость, какую-то наполненность – вот это было бы интересней.

127. И опять же, только лишь потому, что люди попросили, – тут тоже надо быть внимательным: для чего они просят? что у них возбуждают твои картины? какие страсти они начинают возбуждать в них? Может быть, они принесут картину – эх! взбодряются, волосы дыбом встали, схватили какие-то палки и побежали куда-нибудь что-нибудь творить, – улыбнулся Учитель. –

128. Тогда для чего они берут? Тут тоже хорошо бы, конечно, посмотреть. Одно то, что какая-то масса людей попросила прикоснуться к твоему произведению, это ещё тоже не означает, что всё нормально. То есть надо быть ответственным за своё произведение.

129. Ну а творить, попробовать выразить себя, свои переживания – да конечно, каждый может, и это нормально».

130. «Мой вопрос относится к выставке, которую Вы нам показали. Я очень внимательно её посмотрел. И поскольку я занимаюсь искусством профессионально, то есть зарабатываю себе на жизнь этой профессией, естественно, я очень внимательно изучил экспонаты, которые представлены, и как профессионал могу заявить здесь вполне ответственно, что они сделаны на высоком профессиональном уровне.

131. Вопрос заключается в следующем. Поскольку Вы живёте по определённым законам, которые сами

установили для себя там, в общине, и Вы занимаетесь искусством не только профессионально, а как бы вкладываете в эти произведения некий духовный посыл, почему я не увидел здесь ни одного сюжета, связанного с легендами Ветхого или Нового Завета?»

132. «Почему на выставке не представлены произведения, связанные с сюжетами Писаний священных? Ну, это не принципиальное какое-то обхождение этих тем. Наверное, ещё просто не созрел какой-то интересный сюжет, который мог бы как-то интересно выразиться, чтобы не повторялось что-то, что уже неоднократно многие выразили, а может быть, как-то особенно, как-то по-другому, с каким-то другим духовным подходом.

133. Но для этого, видимо, только лишь останется родиться сюжету в голове, в сознании, в переживаниях художника, и этот сюжет будет запечатлён.

134. У Меня лично есть такие сюжеты в голове, но как-то они, видимо, недозрели для того, чтоб подойти к ним. Время от времени Я пробую подойти, но что-то не до конца удовлетворяет, и опять откладывается эта идея. Так что эти задумки есть, но будут ли они сделаны – не знаю. Возможно, и будут сделаны...

135. Просто сейчас, подойдя к пастели, Я немножко другой открыл мир. Я никогда к нему не прикасался, работал маслом много лет. А то, что приходилось видеть в пастели, как-то больше даже пугало, потому что оно всё казалось таким ржавым, каким-то нежизненным... что-то очень пыльное... Это всегда как-то отпугивающе действовало.

136. А не так давно появилась потребность всё-таки прикоснуться к пастели. И тогда, прикоснувшись, Я увидел нечто, что вообще, можно сказать, как поле непаханое или ниша, которая не реализовалась, она не занята как будто бы.

137. То есть это явление в искусстве, к которому очень боязливо прикоснулись. Некоторые произведения интересные. В Дрезденской галерее Мне удалось понаблюдать пастельные работы, они интересные. Но видна скудость пигмента, то есть разноцветности мелков.

138. Если в краске легко многое смешать можно, то в мелках смешивать невозможно, это очень непросто, испортить можно. И поэтому желательное, чтобы больше цветов имел мел, чтобы был сухим.

139. И теперь технология позволяет этому появляться на рынке, то есть многоцветие достаточно широкое в пастели уже существует. И это помогло реализовать то, что сейчас Мне удалось привезти к вам в город показать. То, что Мне понравилось, то, что увлекло очень сильно, и увиделись за этим очень большие горизонты.

140. Это как своеобразная философия какая-то начинает открываться. Это, получается, как сухая земля... вы берёте в горсть сухой земли (так, образно) и создаёте жизнь, просто жизнь – сухой пылью, цветной пылью. Вы создаёте жизнь, вы позволяете чему-то дышать, позволяете быть воде, влаге, металлу...

141. То есть любите предметы, которые вы привыкли наблюдать в мире, окружающем вас, вы можете просто из пыли созидать. Вот это ощущение, что вы можете творить, вот это ощущение – быть подобием Богу – немаловажно для человека.

142. Но пастель даёт некоторые ограничения, в ней желательнее не увлекаться многими деталями, многосюжетностью какой-то, возможно. Ну, по крайней мере, Я пока так предполагаю, думая на эту тему.

143. И если краску сравнить с большим оркестром, где много-много разных инструментов, такая сложная музыка, звучный всевозможных много, то пастель – это два-три музыкальных инструмента.

144. Это такая поэзия, где сразу читается мелодия, где нет как будто бы лишнего шума, которые вроде бы и гармоничны, может быть, в большом оркестре, но, бывает, чересчур много их. Хочется проще – как флейта. Мелодия флейты звучит, и она по-своему уникальна. Если туда прибавить скрипку, барабаны, духовые инструменты всевозможные, как-то уже будет слишком много всего.

145. Вот в масле можно делать много, а пастель – она организует, она как будто бы заставляет вас творить немногословно. Опять же, другой ещё образ из другой области искусства, где масло можно рассматривать как писательские тома такие, произведения, в которых много-много описано сюжетов, то пастель – это как стих, это просто коротенькие фразы, высказывания...

146. Японцы любят создавать такие своеобразные танки стихотворные. Это немного слов, несколько строчек. Казалось бы, не так много описано, краткие упоминания каких-то интересных моментов в жизни: тучка... цветок открылся... лепесток упал – всё, закончилось произведение. Но уже этим многое говорится, особенное дыхание возникает, много для домысливания оставляется. И очень понятно подаётся.

147. Вот так и с пастелью. Здесь есть нечто, где нельзя увлекаться «многословием», надо найти что-то очень важное и как-то интересно попробовать подчеркнуть. То есть это тема, которую, видимо, сейчас предстоит развивать художникам. Я думаю, они очень увлекутся, потому что это удивительное явление.

148. Говорить, что оно недолговечно, как, бывает, пробуют сказать: «Да нет, это, наверное, недолговечно», – это глупости. Это нормальное, долговечное явление. Ко всему надо относиться осторожно, аккуратно. Материалы, которые делаются, долговечны.

149. Конечно, они предполагают, что надо закрыть произведение стеклом, потому что масляную живопись можно протереть и тряпкой, пыль стереть, а здесь пыль не сотрёшь, конечно, тут можно сразу смахнуть всё произведение. Ну и ладно, под стекло аккуратно заклейте, и туда пыль не будет попадать.

150. Произведения пастельные хранятся уже с XIX века: замечательные, какие были, такие и остались. Они не меняются в цвете, замечательные хранятся...

151. Восточные религиозные люди, бывает, рисуют цветным песком какую-то мандалу, красивый узор, очень сложный, который делается долго, и как только его заканчивают, потратив огромные, казалось бы, силы, его просто сметают.

152. Это тоже немаловажно в духовном плане для человека, чтобы он не привязывался, не говорил: «Вот бы моё произведение сохранилось в веках! Как бы его сделать так, чтоб оно никогда не портилось!»

153. Это какая-то уже большая идея возникает у художника: он ещё не стал художником, но ему хочется, чтобы произведение бесконечно у него хранилось. Ну, оно, может, и будет храниться, но где-то в запаснике валяться будет, никто его вытаскивать не будет на свет и никому не будет показывать. Но оно будет храниться. Зачем нужно такое произведение? Не этим надо обеспокоиться.

154. И тем более ещё подход сам, когда пальцы руки втирают эту пыль в бумагу, вынуждает художника оставлять частицы своего тела в произведении. Это вообще делает произведение очень богатым, благодаря такому вмешательству человека.

155. Это не просто волосинки кисточки остаются в масляной живописи, а здесь – частички тела, переживаний. Они гораздо плотнее насыщают произведение, то есть оно более энергично наполнено. И поэтому Я надеюсь, что на это сейчас больше может быть обращено внимания и увлекутся художники этим подходом.

156. Но он по-своему сложен, потому что если что-то легко переписать в живописи маслом, перекрыть другими слоями, то здесь не переключишь. Неудачный момент – всё, придётся всю бумагу выкинуть, придётся начинать всё заново. То есть организованность серьёзная нужна, успокоенность, грамотность».

157. «В свете того, что Вы говорили, любое художественное произведение является информационным банком, отражающим духовный мир человека и его окружение. В связи с этим вопрос. Как Вы относитесь к копированию художественных произведений? Не похоже ли это на клонирование человека?»

158. «Копирование Я допускаю, когда есть необходимость поучиться, попробовать. Но как учёбу.

159. Увлечаться, конечно, нежелательно, потому что любая попытка скопировать не передаст информационную особенность, которая закладывается в произведение самим мастером. Можно внешне изобразить, но там совсем будут другие переживания, совсем другая энергия будет».

160. «Но сегодня массовое копирование. Примером и эта выставка является, где есть оригинал и масса копий распространяется».

161. «Но это – только учитывая желание людей, которые хотели бы иметь что-то...»

162. Фотографии и постеры, которые делаются в этом случае, в какой-то мере сохраняют энергию, которая существует в произведении. Фотография наиболее сохраняет произведение в энергиях, эта энергия фиксируется на фотобумаге. Постеры несколько по-другому, но всё равно они сохраняют, там нет чужого, другого человека не существует.

163. Если человеку это хочется – пожалуйста, запретить нельзя. У него нет возможности приобрести оригинал, но его вдохновляет идея, которую он уже увидел, ему хотелось бы её наблюдать, и он спрашивает: «Где мне можно взять? Как мне можно взять?» То есть это только от пожелания зависит, от того, что сами люди хотели бы выразить.

164. А само копирование произведения... Фотография и постер не вынуждают художника заново переписывать произведение, делать его вновь и вновь, это была бы бестолковая какая-то работа.

165. Потому что, если одно переживание выплеснул, нет смысла повторять свою же работу. Это должно быть что-то другое, немножко отличающееся. То есть с каким-то другим подходом должен подойти художник, чтобы опять выплеснуть какую-то полноту свою. Иначе, если он просто копирует своё произведение, полноту выразить сложно. Пойдёт повторение, произведение будет пустым.

166. Поэтому, если говорить в целом о копировании полотна художника, Я бы допускал только тот момент, где художнику хотелось бы чему-то поучиться.

167. Хотя лично Мне в своей жизни что-то всегда мешало внутри имен-

но точно пробовать копировать. Я старался понять характер произведения, подход, который там был выражен технически, и попробовать сделать своё с таким же подходом. Вот это Я больше использовал в своём самовоспитании...»

168. «Я хотел бы поинтересоваться, чем является Ваша идеология. Религией, философией?... Ваше поселение было основано в 1993 году. Видимо, и идеология примерно такого же возраста. И ещё вопрос. Вы высказываетесь по большому количеству глобальных вопросов: социальных, экономических, идеологических и так далее. Скажите, пожалуйста, какое у Вас образование, какие Вы учреждения заканчивали?»

169. «У Меня образование самостоятельное. Я не заканчивал учебных заведений. Мне достаточно того, что Я могу увидеть, оценить. Это позволяет Мне необходимое понять и поделиться с теми, кто в этом нуждается. То есть таково Моё существование, оно таким образом настроено.

170. А то, что касается идеологии, – да, больше религиозный оттенок. Потому что, если говорить о духовном развитии, это сразу мы затрагиваем религиозную тему. И будет неверно как бы отдельно перечислять: духовность, религиозность... Это неправильно. Это всё одно и то же. Как только говорим «духовный вопрос» – он связан с религиозностью.

171. Но другое дело – привыкли люди видеть вопросы религиозные, которые определяются уже в обществе каким-то образом. Есть своя привычка, есть свои традиции. И порою те традиции, которые существуют, уже начинают пугать человека, устремлённого как-то смотреть шире, не так, как диктовалось это ранее. И тогда слово «религия» уже начинает пугать человека...»

172. «Что Вы проповедуете? Православные принципы?»

173. «А вообще-то, вы тему затрагиваете, конечно, уже не по искусству. Это очень серьёзная тема».

174. «Духовная...»

175. «Да. Существующее вероисповедание – это что-то традиционное, рождённое, как правило, человеком. Нельзя сказать: православие – это Новый Завет. Ни в коем случае! Новый Завет – это тогда и католики, и протестанты, и прочие, прочие... Это всё Новый Завет как будто бы.

176. А чем же они тогда различаются? Почему они так рьяно не принимают друг друга, непримиримо? А они непримиримы на том, что придумали сами, все сами попридумывали очень много лишнего.

177. То есть из того, что было Благой Вестью однажды, сделали Учение. Но их никто не просил это делать.

Учить должен был только Учитель, и Он и сказал людям: «Не называйте себя учителями, не будьте отцами, наставниками. У вас Он только один, а вы все – братья».

178. Значит, Благую Весть они должны были нести, ничего не навязывая никому, просто поделившись о Боге, который любит всех одинаково. Одинаково! Врагов, не врагов – всех Он одинаково любит.

179. Нет избранных народов. Это все дети Бога, Он одинаково любит всех. Он одинаково даёт дождю пролиться на праведника и неправедника, и Солнце светит точно так же одинаково на всех. Вот это и было дано первым ученикам.

180. Но Учение не давалось. Чтобы дать Учение и научить, как правильно любить врагов, ближних, как правильно быть смиренным в той или иной ситуации, что такое семейные взаимоотношения... это целый огромный комплекс конкретных вопросов, которые очень точно с позиций закона Истины надо раскрыть и которые обязательно надо правильно исполнять. Не как кому вздумается, а как скажет Учитель. Это очень важно!

181. Вот поэтому нужно было однажды заложить Благую Весть, а потом, спустя некоторое время, раскрыть Учение и дать людям выбор: «Вот выбор: вы можете спастись, делая правильно, либо делайте что-то по-другому. Но это уже ваш выбор».

182. В эти мгновения к Учителю подошёл высокий крепкий мужчина с бородой и с учтивым поклоном подал Учителю записку. Виссарион с доверительной улыбкой протянул руку и взял записку из рук незнакомца. Незнакомец резко, неожиданно нанёс два сильных удара в голову Учителя и попытался навалиться на Него.

183. Мужчины и ученики, присутствующие на встрече, остановили развитие этой ситуации, оттащив за руки от сцены слабо контролирующего себя человека...

184. Когда Учитель вернулся в дом своего пребывания в Кишинёве, то ученики увидели, что Ему трудно говорить. Второй удар скользнул по горлу Учителя. Так верующий во что-то прихожанин, которого присутствующие на встрече видели ранее с хоругвями на церковных шествиях, попытался дико остановить звучащее Слово Отца...

185. Через день Учителю предстояло проводить встречу в Киеве.

«Юные художники эпохи Возрождения»

Так называется культурно-образовательный проект молодой организации «Рассвет». О том, как он осуществлялся, я попросила рассказать помощников организаторов проекта: Самарова Андрея из Бугуртака (в «Камелоте» его зовут Сэр Андбуг, или прощеще Буга), Максима Тудыгешева, занимающегося организацией быта, и Елену Малышеву, которая уже не первый год приезжает на слёт «Камелота» из Нижнего Новгорода, где работает в театре юного зрителя художником по костюмам.

Андрей: Каждые каникулы в Петропавловке собирались дети (примерно по 80 человек). Группа художников методом погружения помогала ребятам развивать художественный талант. С каждым слётом плодов этого вида творчества становилось всё больше и больше...

– *Что вы ожидали от этого проекта и что получилось в результате?*

Андрей: Мы не ставили задачу, чтобы все стали художниками. Цель слёта – дать толчок в этом направлении. Тот, у кого родился чувственный отклик, будет продолжать этим заниматься уже вне слёта и вне этого проекта. А для кого-то было достаточно просто почувствовать карандаш и понять, что такое трёхмерное пространство и что такое плоскость. Потому что одно дело – любоваться картинами, другое дело – попробовать самому что-то изобразить. Но самое главное, чем бы мы ни занимались (хореография, музыка, поэзия, живопись), важно умение человека раскрыть свой талант, проявить себя в данном направлении. Это хороший повод преодолеть страхи, потому что человек часто комплексует – якобы у него ничего не получается или получается хуже, чем у кого-то. Благодаря нашим слётам, у ребят появляется уверенность в себе, способность восхититься творчеством другого человека, вдохновиться им. Это мы ставили как задачу и видим, что она реально воплощается.

– *Кто-то из ребят серьёзно увлёкся живописью?*

Андрей: Есть несколько человек. Это, как правило, ребята из тех деревень, где есть изостудии (Шалаболино, Имисс, Гуляевка, Таяты), где этот опыт накапливался и помимо слёта. У этих ребят и результаты интересные.

– *А ты сам с удовольствием рисуешь?*

Андрей: Рисую с удовольствием, но не на таком уровне, чтобы выставлять свои работы. Стараюсь, пробую, в своё время поступал в художественное училище, но завалил композицию.

Эту встречу можно посмотреть на видео DVD-15

«Июньские встречи»

Петропавловской видеостудии

– Лена, какие сложности, радости были в реализации этого проекта?

Лена: Самая большая радость: ребята раскрываются, начинают понимать, что нестрашно держать в руке кисть, нестрашно держать карандаш. Они понимают, что получают то, что даёт им возможность передать свой внутренний мир людям. Это самая большая радость!

То же самое и в театре. Сам спектакль – это не самоцель, это просто средство выразить себя, это возможность дать ребятам почувствовать себя на сцене, в творческой атмосфере.

Андрей: Мы должны нести себя людям. То хорошее, положительное, что есть в человеке, он призван отдавать другим. А если делать это средствами искусства, то это тем более становится красивым. Приятная, эстетичная подача – это очень важно.

Одним из интересных моментов на слёте было общее обсуждение работ. Когда художник имеет обратную связь со зрителями, с теми, кто смотрит его картины, он получает и положительный заряд, и пожелания, над чем ему можно было бы поработать. Просто выйти на сцену, показать себя – это одно, но суметь потом принять оценку, которую тебе дадут другие, понять и сделать в следующий раз лучше – это работа. Мы ставим на этом акцент, чтобы человек научился каждый раз отталкиваться от того, что он имеет сегодня, чтобы завтра быть лучше.

Лена: Очень важно, что сама работа выстроена в виде творческой мастерской. Дома рисует каждый ребёнок, показывает что-то тихонечко маме, папе. А работа в мастерской очень специфична, там ты слышишь в свой адрес не только лестные слова, но и критику. Атмосфера, где вокруг тебя творят люди, зажигает, даёт тебе возможность раскрываться ещё и ещё. Убираются многие страхи. Например, в театре у нас есть индивидуальные репетиции с режиссёром и общие. И очень чётко видна разница между тем, когда человек работает один на один с режиссёром, и тем, когда присутствуют ребята, и причём не десять ребят, с которыми ты репетируешь и играешь, а 20-50, и совершенно незнакомые люди. Это очень хорошая ступенька.

Максим: У нас был очень интересный момент. Когда дети привозили свои картины, которые были не подписаны, мы брали очередную картину, показывали всем и спрашивали, чья это картина. И в 90% случаев ребята угадывали.

Это ещё раз говорит о том, что когда человек к чему-то прикасается руками, он оставляет частичку себя, в своих картинах он отражает свой внутренний мир. И по картине таким образом можно узнать, кто её рисовал.

– Это узнавание возможно, когда вы общаетесь друг с другом долгое время?

Максим: В основном мы встречаемся на слётах, а там нет долгого общения, порой каких-то три дня совместной жизни. Но проходит два слёта, и ты уже можешь как-то узнать человека. Я, например, часто угадывал автора, даже если общался с ним совсем немного.

– Когда вы познаёте друг друга через оттенки творчества, это обогащает ваше общение, меняет ваш взгляд на человека?

Андрей: Меняет сильно, потому что одно дело – ты любишь какими-то качествами характера ближнего, а другое дело – ты видишь и понимаешь, что в этом человеке заложено ещё много творческого, есть какая-то большая сила, красота, начинаешь относиться к этому человеку более уважительно.

– Не подталкивает ли творчество к соперничеству?

Лена: В ребят заложены довольно хорошие духовные основы, чтобы это соперничество оставалось в здоровой форме. Я часто слышу, как ребята реагируют на успехи

друг друга фразой: «Почему я так не умею?», но она проносится с каким-то добрым положительным оттенком. Всё-таки здоровое соперничество, на мой взгляд, должно быть в какой-то мере, потому что это не даёт заснуть, не даёт остановиться. А чем ещё заряжаться, если не вдохновляться работами своих друзей?

– Может, более высокая духовная задача – просто порадоваться за другого?

Лена: Это следующий этап. Не всё сразу...

Андрей: Дети более искренние. И если где-то что-то и задевает, то сразу переключиться на сознательно-волевые усилия трудно. Тут важно именно изначально создать среду, где у них такие позывы будут минимальными. Слёт должен создавать такую атмосферу. Когда ребёнок сможет увидеть, что все вокруг радуются успехам друга друга, он тоже начнёт искренне радоваться. Все переживает за какое-то действие – и он вместе со всеми искренне переживает за это действие.

– А как создать эту среду с хорошей духовной направленностью?

Андрей: С одной стороны, у нас уже наработан определённый опыт. У нас есть организация, определённые устои, которые сейчас помогают нам двигаться дальше. Есть определённые законы и правила, по которым строится общая атмосфера. Один из основополагающих – это закон единства. То есть мы приезжаем не для того, чтобы быть зрителями происходящего, а для того, чтобы участвовать во всём этом. Если ты приезжаешь и не знаешь, куда ты приехал, то мы можем где-то учитывать этот фактор и помочь тебе влиться в коллектив. Но в принципе, из тех, кто приезжает в первый раз, очень редко кто уезжает и больше не возвращается.

Второй, очень важный момент – закон доброжелательного общения. Мы говорим: «То, что в обыкновенной школе, в вашем общении друг с другом может быть нормой, на самом деле далеко не всегда нормально. Грубости не должно быть». И через какое-то время человек действи-

тельно начинает ощущать, что то, как он общается за пределами слёта, может быть жёстким, грубым. Если при этом на слёте он видит другое отношение к себе, тогда ему легче и самому перестроиться на другой лад. Как в программе «Ералаш» помнишь? (улыбается) Там в день вежливости три девочки уговаривали мальчика сказать слово «спасибо». Примерно такая же ситуация происходит на слётах, когда человек, которому не свойственно что-то, попадает в среду, где ему приходится нарабатывать это качество.

В конце каждого дня мы подводим итог, где стараемся услышать каждого, кто хочет что-то высказать: кто недоволен чем-то или, наоборот, очень доволен. Это тоже одна из форм, когда нарабатывается обратная связь. Человеку, который приезжает, не просто говорят: «Вот программа. И ты должен отшагать по ней и уехать (понравилось, не понравилось – не важно)». Возможность быть услышанным помогает ребёнку почувствовать себя «в своей тарелке».

Лена: Нашу среду формируют общечеловеческие морально-этические ценности: добро, любовь, дружба, единство, братство... Именно они легли в основу наших правил, традиций. Например, красивое вхождение в зал. У нас мальчики, как настоящие рыцари, ведут девушек за руку, а наш менестрель объявляет: кто это, что это... Есть вечернее подведение итогов, когда мы вместе анализируем прожитый день. Это очень помогает создать ощущение коллектива, ощущение, что ты приехал не просто провести время, а что-то изменить в себе и что-то лучше понять.

– Ваш нынешний проект имеет художественное направление. Какие ещё у вас были интересные творческие проекты?

Андрей: Перед этим у нас был проект «Молодые поэты Курагинского района». Этот проект возник из того, что ранее в домашнее задание слётов, как правило, входило задание написать какое-нибудь стихотворение на

свободную тему, посвящение чему-либо. Со временем у нас определились ребята, для которых поэзия очень близка, и в «Камелоте» набралось уже достаточно много стихов. Тогда и возникла идея попробовать выпустить сборник. В течение года мы занимались этим уже более серьёзно, объявили районный конкурс. В результате участие в этом проекте принимали не только «камелотовцы», но и многие другие ребята, живущие в деревнях Курагинского района, например, учащиеся Кордовской школы, Курагинского ПТУ, жители Журавлёво, Имисса и т.д. А потом на основе этих стихов был сделан спектакль «Вначале было...».

– Сколько спектаклей вы уже поставили?

– Семь. «Снегурочка», «Иди и смотри», «Христовый поход», «Эликсир жизни», «Загадки сфинкса», «Вначале было», последний – «Когда оживают картины». Последние спектакли отличаются от первых. Здесь и стихи более зрелые – продуманные, прочувствованные. Мы растём, меняемся – меняется и поэзия.

– Сегодня вы, как бродячие артисты, появились в Черемшанке. Какой путь вы проделали до этого?

Лена: Сначала мы стали лагерем в Гуляевке, прожили там неделю, занимались подготовкой к спектаклю. Когда поставили спектакль, у нас был интересный путь на Гору, потому что пошли проливные дожди... К нам присоединились петропавловские и имисские ребята.

– Сколько человек вас в результате оказалось?

Лена: 70 вместе с организаторами.

– К вам присоединились дети помладше... Для вас это просто или сложно?

Лена: Конечно, разница между старшим «Камелотом» и детьми (от 7 до 12) пока ещё есть. Старшие знают законы Горы, и когда туда поднимаются, всё прекрасно понимают. Детки ещё пока немножко не понимают, куда они пришли и зачем.

– А какого возраста ребята в «Камелоте»?

Андрей: В маршрут мы берём ребят старше 15 лет. У нас есть те, кто ниже этой планки по возрасту, но это люди, которые прошли с нами какой-то определённый период времени, и мы в них уверены, за этих ребят мы уже ручаемся.

Сейчас с нами было много ребят, которые ещё не пропитаны нашим пространством, не были с нами в течение года, поэтому организовать и удержать всё в нормальных рамках было довольно сложно. Да и потом, когда собирается большое количество детей, тем более на улице, – это непросто.

В принципе, дети были довольны. Когда мы спустились с Горы и детей с нами уже не было, первая реакция – облегчение. А вечером сидели у костра, вспоминали, как дети нас «мурыжили», и тем не менее, мы были довольные и счастливые. Психологическая усталость накопилась, но когда её удалось сбросить, вспоминали всё лучшее, приятное.

– В каких отношениях организационно вы были с детьми?

Андрей: Мы не делимся на возрастные группы. У нас образуются так называемые «семейки», где старшие ребята – «папы» и «мамы», а дети – члены «семейки». Получается небольшой коллектив, в котором каждому ребёнку уделяется больше внимания. У него есть возможность найти опору в этом пространстве, он знает, что есть два старших человека, для которых его задачи и проблемы – это и их задачи и проблемы. Ему легче вливаться в общее пространство. Вообще, дети очень радуются, когда молодёжь к ним тянется, когда у них есть «папы» и «мамы», они долго это помнят.

Лена: В обычной жизни дети 7-10 лет редко общаются с молодыми людьми от 15-16 лет и выше, можно сказать, этого общения просто нет. Тем не менее, на

наш взгляд, это общение имеет большое значение. Дети черпают образ отношений между молодыми людьми. В «Камелоте» отношения между мальчиками и девочками на довольно высоком уровне. И дети это видят. Многие из них уже кандидаты в рыцари, в следующем году они ими станут. И разница между ними и обычными мальчишками и девочками, которые просто приходят, конечно, видна.

– Лена, ты живёшь в миру. Чем наши дети отличаются от детей там?

Лена: Вообще, дети ничем не отличаются. И там, и здесь дети с совершенно одинаковыми проявлениями. Разве что уровень познаний здесь пониже. Мы столкнулись с ситуацией, когда ставили спектакль, что в одной из сцен упоминается сказка о Снежной королеве. Некоторые дети даже не знают эту сказку...

Вообще, моя цель – это эстетическое воспитание детей. Не научить детей рисовать, а помочь ребёнку сформировать взгляд художника, чтобы он в каждой пылинке видел прекрасную картину, относился к природе, как к картине, созданной Господом.

В одном мгновенье видеть вечность,

Огромный мир в зерне песка,

В едином жесте бесконечность

И небо в чашечке цветка?

– Андрюша, что бы ты пожелал ребятам, которые захотят войти в состав «Камелота»? Что они здесь обретут?

Андрей: Самое главное – ребята обретут уверенность в себе. Может быть, даже определятся с целями в своей жизни. На слётах мы ставим такие вопросы, человек начинает задумываться: что он хочет от жизни, что он хочет для других, что хочет для себя, как найти себя в пространстве под названием «жизнь»? Неважно, чем мы занимаемся: пишем ли картины, ставим ли спектакли – это всё формы проявлений человека. Но кто такой человек? На этот вопрос каждому предстоит ответить.

– Верно ли, что многие ребята, которые хотели уехать в мир, благодаря «Камелоту» остались здесь?

Андрей: Есть и те, кто остались, и те, кто приезжает время от времени. Их тянет созданная атмосфера, обретенные друзья. Многие из них учатся в Питере, Абакане, Минусинске, собираются вернуться. Мы ждём их.

Рассказывает руководитель молодежной организации «Рассвет» и один из организаторов проекта Елена Галкина (Петропавловка):

– Ежегодно молодежная организация «Рассвет» проводит культурно-образовательные проекты, которые ориентированы на то, чтобы помочь ребятам обрести какое-то творчество (поэзия, живопись, музыка). Наш год начинается 18 августа и продолжается до 18 августа. 18 августа мы заканчиваем годовой проект, ставится спектакль, дальше идёт следующая волна.

Нынешний проект называется «Художники эпохи Возрождения», хотя на грант мы выставляли его под названием «Мы рисуем жизнь». Он состоит из трёх каникулярных слётов (ноябрьский, январский и мартовский). Это слёты, на которых как бы даётся толчок к развитию творчества.

На первый слёт в ноябре пришли ребята, многие из которых не умели рисовать. Они привезли альбомы, краски, карандаши и четыре дня рисовали, получали какие-то теоретические знания в области живописи.

Детям помогали Таня Усова, Игорь Гончаров... Дважды к нам приезжал Вадим Редькин. Он как близкий ученик рассказывал нам о том, как работает Учитель, что для Него важно.

Между слётами в деревнях работали студии. Мощная студия существует в Шалаболино, там занимались три

наши девочки, их работы были представлены на конкурсе. Хорошие студии есть в Таятах, Гуляевке, Имиссе. Кстати, организатор имисской студии Эльмира Хайбулина (работы двух её детей Родиона и Дании были также представлены на выставке) создала в Имиссе целую группу, у неё занимается около двадцати человек.

Ребята получали на слёте домашнее задание и выполняли его в своих студиях. Результаты работы привозили на следующий слёт, мы их разбирали и давали следующее домашнее задание.

Следующим этапом был конкурс, прошедший в середине июня. Ребята в течение двух месяцев готовили конкурсную работу, которую, кстати, мы потом использовали в спектакле. (Идея спектакля пришла ещё год назад). На конкурс было отобрано порядка 30-ти работ. Мы пригласили для участия в нашем проекте ребят из Питера: Лизу Трофимову и Женю Наумову. Они приехали и помогли нам в оформлении выставки, привезли ряд своих работ. Затем в течение месяца мы готовили передвижную выставку.

Сейчас идёт третий этап, который называется «Передвижники». Мы переезжаем из деревни в деревню и возим наши картины. Это работы ребят от 12 до 25 лет. Возим мы также литературно-художественную композицию, которая называется «Когда оживают картины». Основная тема «Человек как художник, творец». Играл много новеньких ребят. Сцена для нас – не самоцель, это средство для снятия страхов и зажимов, раскрытия творческого потенциала...

И заключительный этап – десятидневный лагерь «Работа на пленере». Юноши и девушки, которые прошли годичную школу, и наши гости из Питера будут давать мастер-классы для маленьких ребят.

А в завершение 17 августа мы традиционно покажем наш спектакль. Далее будем думать о следующем проекте, который будет иметь музыкальную направленность.

Татьяна АЛЫЦКАЯ

Новая педагогика. Какая она? Живая!

«Пока не будут правильно воспитываться дети, общество обречено».

Виссарион

Здесь происходит рождение новой педагогики, где воспитание ставится во главу обучения...

Предлагаем вам беседу с педагогом 3 класса девочек БАНОО «Истоки» на семейной форме обучения в д. Петропавловка Ольгой Козловской.

Каждый, кто хоть раз присутствовал на занятиях, которые проводит Ольга, наверняка отметил очень доброжелательную обстановку, присутствующую на этих занятиях. Обширные знания в области педагогики, знакомство с самыми передовыми образовательными системами в мире, а главное – стремление выстраивать обучение на духовной основе позволяют Ольге достигать уникальных результатов в воспитательном процессе.

– Ольга, несколько лет ты ведёшь класс девочек, уделяешь этому огромное количество времени. Откуда такая любовь к педагогике?

– Педагогика – это то дело, которым я хотела, даже мечтала заниматься всегда. Сегодня я имею уже пятнадцатилетний стаж работы в школе: десять лет в миру и пять лет здесь, в Петропавловке...

Большую роль в выборе профессии для меня сыграла моя учительница в начальной школе. Я была просто влюблена в эту женщину, именно она уже тогда заложила во мне основу моей будущей профессии, своим примером вселила любовь к педагогике. И уже тогда я знала, что хочу быть педагогом начальных классов, хотя сама только начинала учиться.

А как раньше нас воспитывали? Исполняя волю родителей. Это сейчас по окончании средней школы ребёнок может самостоятельно принимать решение в выборе профессии, а в то время мы были обязаны подчиниться воле родителей: они нас воспитали – они и отправляли нас осваивать ту профессию, которую считали нужной и востребованной... По настоянию родителей я готовилась поступать в институт народного хозяйства. Но в последний день, когда можно было успеть подать заявление на поступление в педагогический институт, мама неожиданно сказала мне: «Делай, как сама считаешь необходимым...»

В институт народного хозяйства я готовилась сдавать совершенно другие предметы, чем те, что требовались в педагогическом институте, – это же совершенно другой профиль. Кроме того, свободные места были только на новый факультет с музыкальным уклоном, где первым экзаменом была музыка. За плечами у меня было пять лет музыкальной школы по классу аккордеона. Но музшколу я благополучно окончила в восьмом классе и два года вообще не брала инструмент в руки. Передо мной

встал выбор: или снова брать аккордеон в руки и в течение недели навёрстывать программу, или поступить в институт народного хозяйства. Жажда стать педагогом была настолько большой, что я нашла педагога музыкальной школы и за семь дней проработала с ним всю пятилетнюю программу. Целую неделю мой дом «наслаждался» моей игрой на аккордеоне...

Множество бессонных ночей, зубрёжка новых предметов... и в итоге я поступаю в Минский педагогический институт, на факультет начальных классов. В нём я проучилась пять лет.

Самое интересное, что мне запомнилось, – это то, что главным предметом у нас была не методика преподавания, а хор. Основное время в институте мы проводили с хормейстером – это замечательный педагог! Сейчас я вспоминаю её слова, которые она часто повторяла: «Не упускайте ни единого момента в жизни, прописывайте все ноты, партитуры, потому что неизвестно, в какую сибирскую таёжную деревню вас однажды занесёт...» (*Смеётся*). Она сумела сплотить нас, научила жить вместе. Мы жили хором, мы были едины, мы боялись этого предмета, мы учили его, как никакой другой...

Большую роль играет личность педагога – мне не однажды удалось увидеть, насколько сильно влияет этот фактор. Хормейстер жила своим предметом, жила нами и нашими судьбами, мы были полностью открыты перед ней, доверяли ей, а она щедро делилась мудростью своей жизни. Она умела быть и строгой, и любящей... Для меня очень важно было видеть такой живой пример, чтобы знать и понимать: что давать и чему учить своих будущих воспитанников. И сегодня основную свою роль как педагога я вижу в создании единства среди учеников.

Моя педагогическая деятельность складывалась так, что работала я только в частных школах (тогда они только зарождались). То есть в моей работе с детьми всегда была некая свобода.

Переехав в Анапу (из-за работы мужа), я устроилась в школу, в которой осваивали новую московскую экс-

периментальную программу «Рекорд». Мы много встречались с различными педагогами, которые пытались выработать или создать какую-то новизну в педагогике, использовали нетрадиционные подходы в своей работе, экспериментировали. Мне это было очень интересно и близко, но единственным минусом во всех педагогических программах, на мой взгляд, было то, что их упор делался только на развитие интеллектуальных способностей ребёнка. Тем не менее, среда нового педагогического пространства позволяла мне, уже зная Учителя, знакомясь с Последним Заветом, потихонечку внедрять интересные воспитательные моменты.

Я понимала, что какие бы хорошие результаты ни показывал ребёнок, как бы он хорошо и прилежно ни учился, основой должна быть воспитательная среда, и этот недостающий момент я старалась добавить детям. Наверное, все родители заметили, что бессмысленно заставлять ребёнка что-то зубрить, никакого толку от этого не будет, но если выстроить правильные отношения между педагогом и учеником, отношение к этому предмету – дети всё выучат сами.

Традиционная система обучения ущемляет мир ребёнка, не позволяя ему раскрыться, большинство полученных знаний совершенно не нужны ребёнку, ему негде их применить. И так человек, оканчивая школу, ВУЗ, не может найти своё место, своё дело, остаётся неудовлетворённым, и всё из-за того, что с детства получал очень узкий набор знаний и навыков, не раскрывая при этом свой внутренний потенциал...

Ущербность традиционной системы обучения видели не только педагоги, но и родители, они понимали, что именно благодаря правильно выстроенному общению достигаются хорошие результаты в знаниях и в отношениях между детьми и взрослыми.

– И сейчас, переводя взгляд на новую педагогику, скажи, каковы главные устои и правила, которых ты и другие педагоги придерживаетесь, что вы считаете главным из того, что нужно дать детям?

– Да, в любом начинании важна цель, и в первую очередь я, как педагог, должна сама её чётко видеть и знать какой я хочу результат? Сегодня перед педагогами общины стоит задача – создать новую школу, опираясь на направление, заданное Учителем. Прошлый опыт находится рядом, и из него можно взять и привнести в нашу школу всё лучшее. Получение знаний – это важно, но в приоритете стоит воспитание. Цель нашей образовательной системы, нашей педагогики – это воспитание и развитие ребёнка. Если вслушаться в само слово «воспитание», то можно услышать: «в ось дать питание». Если «ось» – это душа, то ей нужно давать духовное питание. Какое будет питание – такое будет и развитие. А для того, чтобы давать правильное «питание», необходима среда, которая позволит ребёнку раскрыться, понять своё предназначение, понять, кто он, для чего он пришёл на эту Землю, и тогда он обязательно найдёт своё место в Мироздании.

Дети в нашем классе обучаются, но они (и мы вместе с ними), прежде всего, воспитываются. Важно правильно расставить приоритеты: знания нужны, но они не занимают главенствующее место в педагогике.

И здесь хочется упомянуть высказывание В.А. Сухомлинского: «Учение – это лишь один лепесток из того цветка, который называется воспитанием».

В Петропавловке наш экспериментальный класс создавался, прежде всего, по просьбе родителей с нулевого класса. А когда девочки должны были пойти в первый класс, наступил момент определения – куда отправить детей учиться. Мы встретились с родителями. Я рассказала им, в каком русле мы будем двигаться, как будем вести работу. Конечно, все понимали, что со временем многое изменится, но в любой работе нужно задать направленность, иметь определённые ориентиры. И родители, видя, как мы прожили с детьми нулевой класс, проанализировав, постарались взвесить, почувствовать и решить, куда отдавать своих детей. Родителями была заполнена специальная анкета, в которой они выразили, каким они хотят видеть результат нашей совместной деятельности. И если суммировать все пожелания, то задача школы – помочь девочке формировать качества будущей мамы, хозяйки и жены. Такую практическую цель мы и поставили перед собой – дать девочке самые важные навыки, правильное понимание своей сути и отношение к жизни в целом.

Многие образовательные, новаторские программы, которые сейчас практикуют или разрабатывают в мире, мы тоже рассматриваем в нашей школе, но через призму заданной цели, берём необходимое именно нам.

– Какие особенности имеет новое обучение?

– Процесс обучения – это путешествие, то есть сказка с продолжением. Учитывая ритмы года (смена времён года, дня и ночи), ритмы человеческого организма, преподавание ведётся эпохами, то есть две недели даётся один основной предмет – математика или обучение грамоте – с использованием метода погружения и образной подачи информации. Процесс идёт по безоценочной системе, каждая девочка пишет свои собственные учебники.

Обучающая часть программы направлена на:

1. То, чтобы сделать средства получения знаний средствами воспитания, то есть знания – результат чувственного, личностного, мыслительного, физического опыта, а не накопленные информации.

2. Обеспечение сбалансированности между учебной и исполнительской частью учебной работы школьников, между совместной и индивидуальными формами работы.

3. Нахождение межпредметных связей в процессе преподавания в целях развития у детей целостного взгляда на мир.

4. Развитие мотивации личности к познанию, основанное на возрастных психологических особенностях ребёнка (умение учиться самому).

У нас есть такое понятие, как сквозное обучение и воспитание, которое учитывает природосообразность ребёнка. Мы выбираем интересную книгу и читаем её в течение года. Например, в первом классе мы читали сказку «Тайны пирамиды здоровья», главным героем которой являлся муравей, он любил путешествовать, знакомиться с разными животными и очень хотел понять: почему человек так часто болеет? Первоклашке больше интересно изучать своё тело, дети этого возраста воспринимают себя как туловище, ручки, ножки и голову... А в конце прочтения книги дети отмечают, что для того, чтобы не болеть, необходимо изменять себя, обладать определёнными качествами, жить в гармонии с Природой, то есть таким образом они проживают взаимосвязь души и тела. И только постепенно ребёнок начинает понимать, что он – это не только то, что он способен видеть. В первом классе мы больше говорили о теле, где-то пробовали говорить о душе. А во втором классе больший акцент уже был на внутреннее содержание, на душу, какие особенности имеет девочка, почему их обучение происходит отдельно от мальчиков и т.п.

Во втором классе мы читали книгу «Маленький ослик Марии», где образ Марии – это пример настоящей женщины: её отношения к Природе и с самой Природой, взаимоотношения с ребёнком, с мужем, как она переживает непредвиденные жизненные обстоятельства... Я надеюсь, что девочки захотят быть похожими на Марию.

А недавно на меня произвёл впечатление образ девочки в книге Симона Соловейчика «Педагогика для всех». Это девочка, которая за столом не скажет: «Папа, дай, пожалуйста, хлеба». Нет, и это ей кажется грубым! Она дожждётся, пока отец посмотрит на неё, встретится с ней взглядом, и лишь тогда скажет: «Тебе не трудно дать мне хлеба?» – с интонацией извинения. И вовсе не потому она так просит, что боится отца, нет, ей в самом деле неловко утруждать его. Она никогда ни-кого ни о чём не попросит, не встретившись взглядом, не установив контакт, не убедившись, что не помешает просьбой. А может быть, человек за столом думает о чём-то своём – нельзя его просить, надо подождать, пока он посмотрит на тебя. Самая простая, самая лёгкая из целей – кусок хлеба из хлебницы, но и ради неё нельзя механически посягать на другого, ради неё тоже надо самому потрудиться душой: подождать, установить контакт, улыбнуться, преодолеть что-то, выразить благодарность. Цель достигнута за свой счёт.

Я бы назвала нашу педагогику живой. Каждый день, приходя в школу, я смотрю: как и с чего начать наш учебный день. Конечно, у меня есть чётко распланированная схема дня, расписание уроков, темы по предметам (где-то мы заходим на год вперёд, где-то возвращаемся, что-то вспоминаем); но только войдя в класс, я могу понять и почувствовать, с чего начать и как выстраивать день. Мне нужно ощутить, в каком состоянии пришли дети, с чем они пришли, – и в зависимости от этого начинать занятия.

Каждая девочка видит свой путь, находится в своей деятельности, каждый миг она проживает свою жизнь. Моя деятельность – это не создать или перенаправить ребёнка на мой путь, а только предложить, рассказать о том, что, на мой взгляд, является верным, истинным, а дальше, если девочка сама захочет что-то узнать, она спросит об этом. Я могу только помочь, направить, вдохновить, поддержать, предложить сделать выбор и где-то посоветовать. Ни в коем случае не прессовать, не приглушать зов внутренний, пусть даже ошибочный, но пусть это будет уже её опыт, её мудрость.

Педагог обязан быть духовно зрелым, поэтому моя первоочередная задача – это изменить себя, учиться многому у детей, учиться вместе с ними. А девочка рядом, смотря на взрослого, на родителя, тоже будет менять себя. К этому нас призывает Учитель: **«Чем выше вы начнёте подниматься, тем быстрее начнут молодые люди, дети ваши склоняться к вашему выбору истинного Пути».** (П.3.С15.9:24)

– Как девочки относятся к понятию, что в будущем они долж-

ны стать хорошими хозяйками, жёнами? Как они принимают советы педагогов на эти темы?

– В этой теме мы стараемся быть максимально аккуратными. Начиная с нулевого класса по чуть-чуть, потихонечку беседуем на эти темы. А дополнительные кружки уже на практике обучают...

У нас в школе есть правило – каждый день начинать с радости. Мы садимся в кружок, и каждая из нас делится чем-то хорошим, что произошло с ней за день. Поначалу радости у нас были материальные, вкусные: что нам купили, что подарили, что под подушку положили. Мы не отрицали, что это радостно, но постепенно дети стали понимать, что всё-таки большее вдохновение, трепет и силы дают духовные радости: забота о ком-то, помощь кому-то, радость за кого-то. Мы, взрослые, делясь такими радостями, помогли детям понять, что это действительно ценно и приятно. Дети стали ощущать вкус бескорыстной помощи. А дальше очень важна работа с родителями. У нас, как правило, на родительских собраниях присутствуют мамы (я думаю, что это даже хорошо, потому что девочке легче понять маму). И если мама проводит работу, какие-то беседы ещё и дома, то у девочки не будет возникать разногласий и каких-то недопониманий. И постепенно рождается некая общность, сестринство, когда и девочки, и родители стараются помогать друг другу, не соревнуются, понимая, что каждая по своему уникальна...

А после того, как мы рассказали о радостях, каждая девочка говорит о каких-то внутренних качествах, которые мешают ей, с чем она хотела бы расстаться в этом дне.

Мы рассуждали с девочками на примере сказочной героини Золушки – трудолюбивой, послушной, терпеливой. Почему у неё сложилась так судьба, почему её полюбил принц? И девочки понимают, что эти качества надо в себе воспитывать. И мы договорились помочь друг другу их воспитать.

Работа идёт постоянно: акцент ставим только на положительном, на позитивном, на негатив обращаем только внутри себя. Не смотрим, что другой человек делает не так. Только самоанализ.

На мой взгляд, такие качества, такие понятия их нисколько не смущают. Они понимают, что каждая из них – помощница другим. Следовательно, они стараются меньше ябедничать, больше терпеть, помогать друг другу. Конечно, и сейчас случаются ситуации, когда хочется выставить кого-то виноватым, тогда мы приостанавливаем урок и беседуем: а как можно было поступить по-другому. Тут важно, чтобы все хорошо понимали, как правильно поступить.

– Оля, насколько я знаю, сейчас обучение у девочек проходит дву-

мя разделами: утром – традиционные предметы, а вечером – кружки?

– Пока да, но мне бы хотелось как-то поменять этот режим. Обучение должно быть целостным, кружки не должны преподаваться отдельно. Тем более, для этого есть все условия – обучение проходит на первом этаже дома Татьяны Денисовой, а на втором этаже находятся детские мастерские, светёлка. Поэтому девочки в любое свободное время (это преимущество живой педагогики) могут что-то сделать руками. И когда у них радостное состояние, эмоциональный подъём, они берут нитки, крючки и начинают творить, изливая своё хорошее настроение. Иногда уже начинается урок, а их не оторвать от этого занятия. Когда я это вижу, то просто радуюсь. Потому что, если ребёнку хочется творить – это признак того, что воспитание и обучение идут в норме. А если им ничего не хочется, кроме как ябедничать, бегать, галдеть, – это уже следствие, что что-то не так, взрослым уже стоит задуматься...

– В классе десять девочек, каждая со своим характером, со своими особенностями... Как ты управляешься с ними со всеми?

– К каждой нужно найти свой «ключик»... И немаловажно, чтобы сами девочки понимали, что «ключик» к одной – это не есть «ключик» к другой. Я довольно часто им поясняю, что вот в этой ситуации и с этой девочкой я могу сказать строго, а здесь строго говорить нельзя, это совсем другой мир, совсем другой цветок, который нуждается совершенно в другом уходе. Я буду вас беречь, помогать каждой из вас расти, но не сравнивайте: почему я одной отвечу так, а второй – иначе. И тут уже их вера и их доверие мне, которое, конечно же, не приходит сразу, оно рождается или нарабатывается годами. А этот аспект доверия очень связан с доверием между родителями – очень сложно иметь доверие между детьми, когда его нет у взрослых.

Наверное, только недавно мы начали понимать, что наша школа – это школа мам, школа родителей. Мы очень зависимы друг от друга, мы ведём работу совместно. Проводим постоянные встречи (от трёх до пяти часов в неделю). Один день в неделю мы регулярно выделяем для того, чтобы могли собраться родители, обсудить и рассмотреть произошедшие в школе ситуации, произошедшие ситуации между родителями. И только в этом году (третий год общения) мы начинаем понемногу открываться друг другу, больше доверять.

Первое правило в проведении наших собраний – это открытость. Придя на собрание, мы стараемся сразу рассказать, что и где защемило, что не понравилось в отношениях с педагогами. Чтобы понять проблему, её

нужно увидеть и внимательно рассмотреть. Так нарабатывается доверие. И это доверие чувствуют дети. Я заметила, как сильно отличается настроение и состояние детей на следующий день после родительского собрания. Это уникальный день, когда детям можно дать любые духовные принципы – и они их возьмут, потому что мамы постарались, мамы что-то прожили, проработали. Если бы этой работы со стороны родителей не было, то практически бесполезно ждать каких-то хороших результатов в отношении с детьми. Поэтому я повторюсь, наша школа – это, прежде всего, школа родителей.

– Как ты на сегодняшний момент оцениваешь ваше общение с девочками?

– Общение происходит очень откровенно. Но для такого общения я должна доверять им всё. К примеру, если я что-то некрасивое допустила у себя дома со своими детьми, то я тут же должна покаяться перед ними, рассказать о своих ошибках и показать, что я точно так же ошибаюсь. С детьми нужно общаться на равных, тогда они будут доверять и говорить с тобой на равных. Иногда бывает даже так, что на утреннем круге (после того, как поделились радостью) девочки признаются в каких-то своих проступках и перед всеми просят прощения.

На одном из последних родительских собраний от одной мамы прозвучало, что её девочка стала открываться, доверять маме. Получается, что, открываясь в школе, ребёнок уже легче открывается дома. Она освобождается от чего-то, ей становится легче, и она по-другому смотрит на многие вещи, меньше боится.

– Пятый год здесь ты работаешь с детьми. Пять лет активных поисков наилучших решений, всевозможных экспериментов, выводов... К чему вы пришли сегодня? Какие изменения произошли у детей?

– За время работы мы выработали правила пути, по которым все согласны двигаться. Развитие – это всегда движение. А двигаться мы стараемся в ту сторону, куда зовёт Учитель. Наш путь – это состояние неспособности подумать о ком-то плохо. Это волшебная страна, в которую нас ведёт Волшебник. А на пути нам предстоит пройти множество испытаний, получить недостающий опыт, а через опыт – мудрость...

Вот некоторые правила, которые мы выработали и записали вместе с детьми: **«Сегодня лучше, чем вчера».**

В государственных школах принято ставить оценки, но мы это не делаем. Нам важно старание. Если ребёнок сегодня букву прописал чуть-чуть лучше, чем вчера, – это уже результат. Ошибки делает – ничего, он будет стараться и завтра у него не бу-

дет этих ошибок. И здесь нельзя никого ни с кем сравнивать, в этой области сравнение неуместно. Каждый ребёнок имеет свой потенциал, своё стремление делать красивее, лучше, и если начать сравнивать – для него это будет только помехой. Нужно верить в ребёнка, в его силы. Ребёнок расцветает и развивается вместе со всеми, но своим способом. Мы идём в одну сторону, но каждый идёт своим индивидуальным движением по одному пути. Поэтому, чтобы помочь ребёнку, нужно убрать оценочную систему, убрать соревновательный момент и искренне радоваться его даже очень малым достижениям. Мы не делаем акцент на количестве ошибок. В технике чтения мы можем подсчитать количество прочитанных слов в минуту, но для педагога и ребёнка не это является первостепенным. А важно, чтобы сегодня было лучше, чем вчера. Новая педагогика – педагогика веры в каждого ребёнка и ребёнка в самого себя.

И как пример. Одна девочка присоединилась к нам уже во втором классе, и мне, честно говоря, было трудно представить, как помочь ей наверстать то, что уже знают остальные девочки, как сделать так, чтобы ей было комфортно в этой достаточно динамичной среде. Но с помощью родителей, с помощью одноклассниц, их правильного отношения и безмерного старания самой девочки она хорошо волилась в коллектив и успела наверстать упущенное... Если бы у нас действовала оценочная система – это очень помешало бы девочке.

Следующие правила:

«Всё в нужный момент».

«Лишних слов не говорим – дела добрые творим».

«Недостаток одного – недостаток всех. Победа одного – победа всех».

«Наша сила в единстве».

Ещё одно правило, правило «трёх сит», используется при донесении информации: сито правды, сито добра, сито необходимости. Мы вспоминаем его, когда дети хотят много говорить. Но не всегда нужно говорить то, что хочется. И нам не надо что-то многословно объяснять, мы только просим их просеять через три сита то, что они сейчас хотят сказать. Всё, и урок спокойно продолжается дальше без каких-либо нравоучений.

«Доводим начатое до конца». Цель поставили – как бы сложно ни было, мы будем стараться двигаться к намеченной цели. Если результат получился не такой, какой ожидали мы, – нестрашно, теперь он станет нашим опытом.

«Солнышко в глазах, улыбка на лице, радость всегда с нами, старание везде». Это правило помогает отслеживать эмоциональное состояние детей. Здесь работает принцип вклю-

чения воображения и эмоций, который важен потому, что любая воспитательная работа даёт результат только тогда, когда затрагивает душу ребёнка. А это возможно в хорошем эмоциональном состоянии.

«Реальность принять с благодарностью, всё неслучайно». Поначалу девочкам было трудно поблагодарить кого-либо, когда им стало плохо. Но беседуя с ними, мы старались смотреть на такие ситуации в ракурсе: всё происходит во благо, позволяет увидеть свои недостатки, сегодня – самый лучший и самый счастливый день твоей жизни. И тут уже присоединяется Вера Богу в то, что всё происходящее с тобой неслучайно.

«Ошибка – наш помощник в Пути».

«Чистота не только внешняя, но и внутренняя». Мы стараемся не думать ни о ком плохо.

«Мы любим тех, о ком заботимся». Что подразумевает под собой понятие «любить»? Порассуждав, подумав, мы пришли к выводу, что любить – это значит заботиться. Любовь для ребёнка проявляется в заботе.

«Из любого положения можно найти выход». Когда наступают сложности, то бывает непросто найти выход. В этом случае помогает вера. Есть такой прекрасный мультфильм – «Восемьдесят дней вокруг света», который помог родиться этому правилу.

«Вместо запрета – выбор». Во время переменки одна девочка говорит: «Я не пойду на прогулку». На что я говорю: «Смотри... У нас же ещё целый блок творческих занятий. А погода хорошая, может, стоит прогуляться?» «Нет, я не пойду. Ты же не можешь меня заставить?» – «Конечно, заставить я тебя не могу. Но будет ли это правильно? Ведь ты понимаешь, как надо, и делаешь наоборот. Поступай, как сама знаешь, постарайся почувствовать благоприятность этого поступка и его последствия». Подумав, девочка идёт гулять со всеми, а вернувшись, радуется собственной победе и делится со всеми этой радостью.

Соединяющей нитью в наших отношениях, в наших беседах является вопрос внутрь себя: «Для чего ты хочешь это сделать? Для чего ты хочешь это сказать? Какие результаты будут у твоего поступка?» Так, задумываясь над своими поступками, над своими мотивами, ребёнок с маленького возраста учится понимать ответственность за содеянное. На мой взгляд, наши девочки прекрасно понимают этот момент и в дальнейшем несут ответственность за свой выбор, но тут, конечно же, надо подсказывать, направлять. А бывает наоборот, что сами столько всего мне подскажут, и я порой советуюсь с ними, спрашиваю: «Как правильно?» Ведь в школе есть правила, есть свой порядок, которого

все стараются придерживаться: и педагоги, и дети. Хотя бывает, что иногда кто-то из нас забывает о них. Но и выбор есть всегда. Даже у маленького ребёнка. Со временем на его плечи ложится всё больше и больше задач, когда ему приходится выбирать и принимать решения самому. И чтобы на уже ставшего совершеннолетним человека неожиданно не упал весь груз ответственности, необходимо с маленького возраста пробовать доверять что-то ребёнку, отдавая какое-то дело под его ответственность.

Недавно мой старший сын тринадцати лет с удивлением спросил у меня: «Мам, а теперь я всегда всё должен делать сам: сам выбирать, сам действовать?» Я поймала себя на мысли, что очень мало по жизни давала ему возможность самому делать выбор... Ребёнку нужно наработать свой стержень, самостоятельность, пусть даже на ошибках, но самому. То же самое и для девочек. Зрелая взрослая жизнь не должна заставить их врасплох.

«Никто не виноват». При разборе каких-либо конфликтов мы не ищем виновного. Но тот, кто чувствует, что всё-таки по его вине произошли неприятности, сам признаётся в этом. Пока ещё не всегда такая схема работает, но мы стараемся дотянуться до этой «планки». Конечно, всегда в таких ситуациях есть зачинщик, провокатор, но находить его, пресовать детей мне не хочется. Я объясняю детям: «Я не пришла сюда, чтобы быть следователем, чтобы искать виновного. Давайте, тот, кто чувствует, что он поступил в этой ситуации несдержанно и где-то спровоцировал другого, хотя мог поступить иначе, сам признаётся в этом». Как сильно дети радуются после того, как переселят себя и расскажут, в чём они видят свою ошибку. Мне кажется, что облегчение в этот момент происходит у всех! А дальше мы выносим мудрость из происшедшего и обогащаемся ею.

И последнее правило: **«Наша сила в единстве».** Это правило работает и в коллективной работе на уроках, и в творческих делах, а также позволяет увидеть ценность каждого, сотворяя красивое через сотрудничество и сотрудничество взрослых и детей, где опыт и мудрость передаётся через личный пример педагога и взрослого.

Педагогика – это длительный процесс, это различные методы, основанные на пробах и ошибках, это постоянный поиск. В прошлом году мы играли в игру, отмечая поведение ребёнка как «волшебное», «загадочное» и «желает лучшего». В какой-то момент девочки стали соревноваться: ага, у неё вот столько раз «волшебное» поведение, а у меня всего столько-то... Постепенно, плавно это ушло, перейдя в другую форму: каждая девочка самостоятельно отслеживает своё настроение, свою работу над собой. И

это помогает детям во время дня обращать внимание на своё состояние, на свои мысли...

Мне запомнилась ситуация, когда одна девочка толкнула другую и что-то сказала ей вслед неприятное. Я наблюдала за второй девочкой и заметила, что она собирается ответить тем же. Она медленно прошла около меня, и я услышала, как она шёпотом говорит: «Сама такая», но, повернувшись к своей обидчице, сказала: «А ты мне нравишься!» Я в это время что-то писала мелом на доске, из глаз у меня покатались слёзы, и я подумала: «Вот бы нам, взрослым, уметь так!» Девочки обнялись, и такая маленькая несурзность не вылилась в большую ссору.

Такие ситуации говорят о том, что идёт внутренняя работа, большую роль в которой, на мой взгляд, играет сплочённость детей, они живут школой как семьёй. Динамика их развития уже становится видна, хотя, в принципе, эволюция в воспитании увидеть непросто, непросто понять мир ребёнка: что в нём формируется, что сформировалось... Оценить качество воспитания можно, но для этого нужно какое-то время побыть с детьми и понять: что было раньше и как есть сейчас.

Симон Соловейчик: «Откажемся от мысли доводить ребёнка до совершенства. Примем его таким, какой он есть, и он с каждым днём будет лучше и лучше, и постоянно будет идти внутри него незаметная работа улучшения. А если мы его не принимаем, он сопротивляется каждому нашему слову, каждому движению, и все наши усилия ни к чему не приводят».

– При таком бережном подходе к детям не являются ли экзамены стрессом для них?

– Абсолютно нет. Но экзамены для них являются ответственным делом. Видимо, тут ещё и родители проводят какую-то подготовку, настраивают ребёнка: «Соберись, не подведи». Школьные наряды, банты... Они скорее идут на праздник, а любой праздник волнительный. Мы же на любой праздник идём с трепетом. Так и у детей, конечно, какие-то переживания имеются. Но, несмотря на это, они способны сконцентрироваться, собраться и показать то, что они знают.

Был случай, когда ситуация, произошедшая у девочки дома, повлияла на результат работы. Девочка жила домашней ситуацией, не смогла переключиться, хотя она прекрасно работала весь год. И результат получился на балл ниже. Но этот балл для меня, для них нет оценок, они самостоятельно отслеживают своё интеллектуальное развитие. И,

возвращаясь к ситуации, хочется отметить: насколько наша атмосфера влияет на результат.

Кроме этого, на детей вполне может влиять новолуние, полнолуние, конец недели, время суток, их наследственность, данность, их переживания. Всё это я учитываю, но моей основной целью является комфортность ребёнка в наших взаимоотношениях: удобно ли ему, хорошо ли ему, уютно ли?

После экзаменов, каким бы ни был результат, я скажу ему, что он молодец, только вот ещё над этим нужно поработать... И в следующей четверти, в следующем году он знает, над чем ему работать.

А обучение – это способ, это средство воспитания, с помощью которого мы воспитываем необходимые качества, отношение к ошибке, к совместной работе и т.п.

– Впереди у вас третий и четвёртый класс. Каковы ожидаемые результаты воспитательно-образовательного процесса?

– У нас был очень хороший опыт, когда в паре со мной работал воспитатель. В прошлом году мне посчастливилось работать с воспитателем, который приходил после основных занятий, сохраняя целостность воспитательно-образовательного процесса. Мы работали в одном духе, в одном потоке, поддерживая друг друга. В этом году такого не получилось. То есть во второй половине после основных предметов приходили предметники – учителя английского языка, музыки, физкультуры, творческих каких-то занятий. Где-то мы приходили к одному пониманию, но всё равно целостность эта не всегда получалась.

А ожидаемые результаты на момент окончания начальной школы мы видим следующие:

1. У учащихся вырабатывается:

1. Заинтересованность быть полезными друг другу.
2. Способность выбирать слова и действия в отношениях.
3. Умение думать о жизни светло и видеть, прежде всего, хорошее.
4. Умение порадоваться за свои достижения и достижения ближних.
5. Понимание ценности другого человека.
6. Ответственность за свои поступки.
7. Благодарность реальности за происходящее.

А также интеллектуальные качества:

1. Умение учиться самому;
2. Приспосабливаться к постоянным изменениям в окружающей среде;
3. Мыслить независимо и творчески.

II. Создать воспитательно-образовательную среду, способствующую гармоничному развитию личности:

а) на уровне воспитательно-образовательного учреждения через выстраивание взаимоотношений взрослый – взрослый, взрослый – ребёнок, ребёнок – ребёнок.

б) на уровне деревни через взаимосвязь детская площадка – начальная школа – средняя школа и дополнительное образование (мастерские), участие в слёте «Благовест».

в) на уровне района через вливание в подростковую программу с последующим участием в молодёжном движении «Камелот».

III. Девочками освоены и развиваются навыки в различных видах творчества: швейное дело, ткачество, вязание, бисероплетение, основы росписи и живописи, танцы, игра на флейте, скрипке и других музыкальных инструментах

IV. Создать предпосылки для развития самоорганизации ребёнка и его способности сделать выбор.

V. Улучшить физическое состояние, психическую устойчивость и обеспечить эмоциональное благополучие ребёнка.

VI. С опорой на собственный опыт сформировать целостное представление о мире, полученные знания переводятся в область практического применения.

Конечно, нам необходимы педагогические кадры, хороший уровень подготовки педагогов, желающих работать по-новому. Результат качества обучения и воспитания – это та компетентность, которую имеет ученик. А она связана с компетентностью педагога. То есть если педагог сам некомпетентен во многих сферах, то передать ученику необходимое будет очень сложно. Проблема кадров, конечно, стоит.

У меня есть мечта: когда дети окончат начальное звено и будут ездить на учёбу в Черемшанскую государственную школу, хотя бы какую-то часть времени дальше продолжать работать с ними: либо вести у них какой-то отдельный предмет, либо какое-то внеклассное мероприятие. Мне бы хотелось продолжать какое-то время находиться рядом с ними, наблюдая их дальнейшее развитие. В вальдорфских школах, к примеру, педагог берёт детей в первом классе и провожает в девятом. Такой подход создаёт определённую целостность, сохраняет то, что было создано совместными усилиями.

Светлана ВЬЧЕРОВА